

Волх Всеславьевич

(Древние Российские Стихотворения. Кирша Данилов)

По саду-саду, по зеленому ходила-гуляла
Молода княжна Марфа Всеславьевна.
Она с камени скочила на лютого змея,
Обвивается лютой змей около чебота — зелен сафьян,
Около чулочика шелкова, хоботом бьет по белу стегну.
А втапоры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила.

А и на небе просветя светел месяц:
А в Киеве родился могуч богатырь,
Как бы молодой Волх Всеславьевич;
Подрожала сыра земля,
Стряслось славно царство Индейское,
А и синее море сколебалося
Для ради рождения богатырского
Молода Волха Всеславьевича;
Рыба пошла в морскую глубину,
Птица полетела высоко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицам,
А волки, медведи по ельникам,
Соболи, куницы по островам.
А и будет Волх во полтора часа,
Волх говорит, как гром гремит:
«А и гой, еси, сударыня матушка,
Молода Марфа Всеславьевна!
А не пеленай во пелену червчатую.
А не пояси в поясья шелковые,—
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные,
А на буйну голову клади злат шелом,
Во праву руку палицу,
А тяжку палицу свинцовую,

А весом та палица в триста пуд¹».
А и будет Волх семи годов,
Отдавала его матушка грамоте учиться:
А грамота Волху в наук пошла;
Посадила его уж пером писать:
Письмо ему в наук пошло.
А и будет Волх десяти годов,
Втапоры поучился Волх ко премудростям:
А и первой мудрости учился
Обертываться ясным соколом;
Ко другой-то мудрости учился он Волх
Обертываться серым волком;
Ко третьей-то мудрости учился Волх
Обертываться гнедым туром-золотые рога.
А и будет Волх во двенадцать лет,
Стал себе Волх он дружину прибирать,
Дружину прибирал в три годы,
Он набрал дружины семь тысячей;
Сам он Волх в пятнадцать лет,
И вся его дружина по пятнадцати лет.

Прошла та слава великая
Ко стольному городу Киеву.
Индийской царь наряжается,
А хвалится-похваляется,
Хочет Киев град за щитом весь взять
А Божьи церкви на дым спустить
И почестны монастыри разорить.
А втапоры Волх он догадлив был:
Со всею дружиною хораброю
Ко славному царству Индийскому
Тут же с ними во поход пошел.

Дружина спит, так Волх не спит:
Он обернется серым волком,
Бегал, скакал по темным по лесам и по раменью,
А бьет он звери сохатые,
А и волку, медведю спуску нет,
А и соболи, барсы любимой кус,
Он зайцам, лисицам не брезгивал;

Волх поил-кормил дружину хорабрую,
Обувал-одевал добрых молодцов,
Носили они шубы соболиныя,
Переменные шубы-то барсовыя,
Дружина спит, так Волх не спит;
Он обернется ясным соколом,
Полетел он далече на сине море,
А бьет он гусей, белых лебедей,
А и серым, малым уткам спуску нет;
А поил-кормил дружинушку хорабрую,
А все у него были яства переменныя,
Переменные яства сахарныя.

А стал он Волх вражду чинить;
«А и гой еси вы, удалы добры молодцы,
Не много не мало вас, семь тысячей!
А и если 2, братцы, у вас таков человек,
Кто бы обернулся гнедым туром,
А сбегал бы ко царству Индейскому,
Проведал бы про царство Индейское,
Про царя Салтыка Ставрुльевича,
Про его буйну голову Батыевичу?»
Как бы лист со травую пристилается,
А вся его дружина приклоняется,
Отвечают ему удалы добры молодцы:
«Нет у нас такого молодца,
Опричь тебя, Волха Всеславьевича».
А тут таковой Всеславьевич
Он обернулся гнедым туром-золотые рога,
Побежал он ко царству Индейскому;
Он первый скок за целу версту скочил,
А другой скок не могли найти;
Он обернется ясным соколом,
Полетел он ко царству Индейскому.
И будет он во царстве Индейском,
И сел на палаты белокаменны,
На те на палаты царския,
Ко тому царю Индейскому,
И на то окошечко косящатое.
А и буйные ветры по насту тянут:

Царь со царицею в разговоры говорит.
Говорила царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
«А и гой еси ты, славный Индейской царь!
Изволишь ты наряжаться на Русь воевать,
Про то не знаешь, не ведаешь:
А и на небе просветя светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,
Тебе царю сопротивничик».

А втапору Волх он догадлив был:
Сидючи на окошке косящатом,
Он те-то, де, речи повыслушал;
Он обернулся горностаем,
Бегал по подвалам, по погребам,
По тем по высоким теремам,
У тугих луков тетивки накусывал,
У каленых стрел железцы повынимал,
У того ружья у огненного Кременья и шомполы повыдергал,
А всё он в землю закапывал.

Обернется Волх ясным соколом,
Звился он высоко по поднебесью,
Полетел он далече во чисто поле,
Полетел ко своей ко дружине хорабрыя.
Дружина спит, так Волх не спит,
Разбудил он удалых добрых молодцов:
«Гой еси вы, дружина хорабрая!
Не время спать, пора вставать!
Пойдем мы ко царству Индейскому!»

И пришли они ко стене белокаменной:
Крепка стена белокаменна,
Вороты у города железные,
Крюки-засовы все медные,
Стоят караулы денны-нощны,
Стоит подворотня — дорог рыбий зуб,
Мудрены вырезы вырезано,
А и только в вырезу мурашу пройти.
И все молодцы закручинилися,
Закручинилися и запечалилися,
Говорят, таково слово:

«Потерять будет головки напрасны,
А и как нам будет стена пройти?»
Молодой Волх он догадлив был:
Сам обернулся мурашиком
И всех добрых молодцов мурашками;
Прошли они стену белокаменну
И стали молодцы уж на другой стороне
В славном царстве Индейским.
Всех обернул добрыми молодцами,
Со своею стали сбруею со ратною,
А всем молодцам он приказ отдает:
«Гой еси вы, дружина хорабрая!
Ходите по царству Индейскому,
Рубите старого, малого,
Не оставьте в царстве на семена;
Оставьте только вы по выбору,
Не много не мало — семь тысячей
Душечки красны девицы».
А и ходит его дружина по царству Индейскому,
А и рубит старого, малого,
А и только оставляют по выбору
Душечки красны девицы.
А сам он Волх во палаты пошел,
Во те во палаты царския,
Ко тому царю ко Индейскому;
Двери были у палат железныя,
Крюки-пробои по булату злачены.
Говорит тут Волх Всеславьевич:
«Хотя нога изломить, а двери выставить!»
Пнет ногой во двери железныя,
Изломал все пробои булатные,
Он берет царя за белы руки,
А славного царя Индейского
Салтыка Ставрुльевича,
Говорит тут Волх таково слово:
«А и вас-то царей не не бьют, не казнят».
Ухватя его ударил о кирпичатой пол,
Разшиб его в крохи...
И тут Волх сам царем насел,

Взявши царицу Азвяковну,
А и молоду Елену Александровну.
А и та-то его дружина хорабрая
И на тех на девицах переженилася.
А и молодой Волх тут царем насел,
А то стали люди посадские;
Он злата-серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякого брата по сту тысячей.

1 Это начало былины, о рождении и первых годах Олега Вещего, близко сходно с отрывком, помещенным в Приб. к Изв. А. Н. II отд., т. III, стр. 279, 280:

Ходила княгиня по крутым горам,
Ходила она с горы на гору,
Ступала княгиня с камня на камень;
Ступила княгиня на люта змея,
На люта змея, на Горыныча.
Вокруг её ножки змей обвился,
Вокруг её башмачка сафьянова,
Кругом её чулочка скурлат сукна (Сукна пурпурового. — Изд.)
Хоботом бьет ее в белые груди.
А княгиня втопоры понос несла (Понесла. — Изд.);
Носила в утробе чадо девять месяцев;
На десятой-то месяц чадо провещилось,
Провещилось чадо, проговорилось:
« Уж ты гой еси, матушка родимая!
Не дам я тебя змею во обиду.
Когда я буду на возрасте,
На возрасте — пятнадцати лет (В те же лета начинает Волх — Олег свои подвиги.—Изд.),
Ужь ты скуй мне палицу боевую,
Боевую палицу во сто пуд;
Когда та палица легка покажется,
Ужь скуй, матушка, в полтора пуд;
Тогда-то я, матушка, буду со змеем воевать:
Я заеду-то к нему в пещерички змеиные,
Сниму ему буйную головушку,
Подниму его головушку на острый кол,

Поднесу его головушку к твоему дворцу».

2 Есть ли? — Изд.